

ОН БЫЛ блестящим музыкантом, ярко одаренным от природы. Он жил музыкой — во всех смыслах. Она вела его за руку — как мать ребенка, он только подчинялся ей. Но это так казалось. Иногда он упирался или сам тащил ее — в другую сторону. То есть он и руководил ею. Я имею в виду, что он был высоким профессионалом, у него была настоящая шкoлa, а кроме того, огромная работоспособность, требовательность к себе. Все это вместе с собственной интонацией, почерком, индивидуальностью создавало и составляло такое понятие: Эдуард Колмановский.

Он прожил счастливую жизнь в искусстве. Он написал массу искрящейся театральной музыки — для МХАТа, вахтангов-

ского нужно соединить с серьезной тематикой, с настоящими стихами, и тут же получил очевидный результат: ряд песен, глубоко задевших не столько всех, сколько каждого.

Что же касается нашего случая, то Колмановский проявил завидное упорство и со второй попытки сочинил совершенно другую музыку.

Песня имела успех, как выяснилось, на долгие годы. Сперва только у слушателей. Всесоюзное радио получило, без преувеличения, десятки тысяч писем. Как вы понимаете, я прочел не все. Однако критика, прежде всего музыкальная, отнеслась к песне весьма кисло, а то и недоброжелательно. Появились выпады в печати. Но, скажем, "Комсомолка" нас поддержи-

*К нам разлука приходит впервые,
В первый раз вы от нас далеко.
Нет войны. Вы вернетесь живые.
Но без вас все равно нелегко.*

"Нет войны"?.. Но война началась — в Афганистане. "Вы вернетесь живые"?.. Но стали прибывать цинковые гробы. Как же петь это?

После нашей венгерской поездки мы по-настоящему сблизились, стали постоянно общаться. Постепенно он стал для меня дорогим человеком. Это продолжалось более половины жизни — и моей, и его. Он скоропостижно скончался летом 1994 года. Я очень часто думаю о нем.

Колмановский не служил в армии и не был на войне, хотя по возрасту вполне мог там оказаться. Но, как говорил Толстой,

К.ВАНШЕНКИН И Э.КОЛМАНОВСКИЙ. 1971 год.

дакция, как и сейчас, помещалась в Доме звукозаписи на улице Качалова (Малая Никитская). Москвичи знают серый параллелепипед этого здания. Одним торчком оно смотрит в сторону Никитских ворот, эти окна летом настезь, другим обращено во Вспольный переулок, на тогдашний особняк Берии. Здесь окна были под пломбами, и глянуть-то за них страшно. И не смотрели. А в длинные коридоры выходили двери редакций, аппаратных, студий. И народу всегда полно — сотрудники, знаменитые авторы, вальяжные исполнители.

Эдик стоял с кем-то у опечатанного окна, опершись рукой на раму, и оживленно беседовал. И вдруг! — створка за его спиной распахнулась, и внезапный сквозняк прошел по коридору. Нет, это не был свежий ветер жизни. Это был смертельно обжигающий вихрь.

Колмановский с изумлением увидел, что только что переполненный коридор пуст, он стоит один, а в пальцах у него плomba на проволочке, которую он открутил в задумчивости. Сигнал, разумеется, сработал, и к нему, цокая каблучками, уже бежала женщина-командант с вооруженными помощниками.

Это "дело" тянулось долго. Немалых усилий стоило директору Дома звукозаписи Б.Владимирскому и всему руководству спасение неосторожного Эдика.

Как я любил бывать у него дома, слушать его музыку! Уютный кабинетик. Коричневый рояль, купленный по рекомендации Бернеса. На стене — финская "Золотая пластинка" песни "Я люблю тебя, жизнь". Книжки, магнитофон, проигрыватель. И сейчас все как было, только хозяйня нет.

Расскажу еще о двух наших песнях. По той лишь причине, что никто уже не сможет сделать это точнее и детальней, чем я. Однажды на улице я попал под густейший снегопад. Я шел с трудом, чуть ли не раздвигая его руками. От белого снегопада стало почти темно. И возникли строчки:

*За окошком свету мало,
Белый снег валит, валит.*

И почти сразу:

*А мне мама, а мне мама
Целоваться не велит.*

Вот ведь как. Минуту назад я ни о какой маме, не позволяющей дочери целоваться, и не думал. И вдруг — пожалуйста.

Но вскоре опять пришлось записывать.

Говорит: "Не плачь — забудешь!"

Хочет мама пригрозить.

*Говорит: "Кататься любишь,
Люби саночки возить".*

Теперь я уже знал, что песня получится, и смотрел на нее со стороны.

Говорит серьезно мама.

А в снегу лежат дворы.

И тут (все же при моем участии, конечно) эта история перешла в другой временной ряд. Песня из девичьей превратилась в женскую:

Дней немало, лет немало

Миновало с той поры.

И уже слова зрелой женщины:

И ничуть я не раскаюсь,

Как вокруг я погляжу,

Хоть давно я не катаюсь,

Только саночки вожу.

И в конце — почти повтор первой строфы. Почти — потому, что дважды появилось слово "опять". Жизнь продолжается. Колмановский написал чудесную музыку, и признаюсь: это самая моя любимая песня, из моих, конечно.

И еще штрих. Песня была записана (первая — Л.Зыкина), но очень редко звучала по радио. В редакции работали дамы, усмотревшие в ней скрытую фривольность, некий неприличный намек. Ими руководствовало то, что называется испорченным воображением. Одна выдала себя, неосторожно спросив у Колмановского: "А что значит — саночки вожу?" Тот взорвался: "Как что? Это и значит!" Другая, симпатизирующая ему, пыталась защитить: "Это она внука возит"... Вот какие еще приходилось преодолевать барьеры.

Но несмотря на препоны, песня непостижимо широко распространилась в народе, в чем не раз случалось убедиться. Я всегда изумлялся: откуда они слова знают?

И еще одна непредсказуемая судьба нашей песни. На этот раз "Алеша". Новые власти Болгарии решили было демонтировать самый памятник русскому солдату в Пловдиве. И хотя акция не была одобрена большинством жителей, посягательства на него продолжались. Я процитирую в связи с этим нашу газету "Культура" (от 28 декабря 1991 г.): "Узнав о готовящемся демонтаже "Алеша", мэр Москвы Гавриил Попов (за день до

объявления о своей отставке) и премьер правительства Москвы Юрий Лужков направили письмо президенту Болгарии Желю Желеву, где заявили, что, несмотря на трудное положение, найдут средства, чтобы перенести памятник в Москву". Далее в заметке сказано, что и деловые новгородцы хотели бы принять "Алешу" у себя, в Новгороде Великом.

Итак, Россия была готова взять "Алешу" назад. Домой!

Я жалею, что так не получилось. Его предполагали поставить на Поклонной горе. И денег бы меньше ушло, чем потом на нее убухали. А как этот памятник, который благодаря песне близко знают столь многие, действовал бы эмоционально! Я даже написал тогда вариант:

*Белеет ли в поле пороша,
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над Москвою Алеша,
Вернувшийся русский солдат.
Но — увыл!..*

А теперь о другом. В 1989 году, тоже неожиданно, умер мой ближайший друг Ян Френкель. Удар был жестокий. После кладбища приехали на поминки в ресторан ВТО. Боже мой, сколько раз я бывал здесь — и с Яном, и с Бернесом, и с Галичем, и с Андреем Старостиным — и с кем я здесь только не бывал. А сейчас собрались люди, тесно связанные с Яном на протяжении бесчисленных лет: исполнители, редакторы радио и грампластинок и коллеги, нежно или не слишком любившие его. Случайных личностей, без которых обычно не обходятся людные поминки, почти не было. Речи звучали все более растроганные.

Последующий эпизод так описан в моих воспоминаниях о Яне: "И уже в конце поднялся сидевший рядом со мной другой мой близкий друг, Эдуард Колмановский, и, предупредив, что из всех присутствующих хочет обратиться только к композиторам, предложил выпить за одного из них, но за кого — неизвестно. И объяснил: когда умер Бетховен, его друзья-музыканты собрались в трактире помянуть его, и один из них предложил выпить за того, кто первым из присутствующих уйдет из этого мира и сможет поведать Бетховену о том, как они скорбят о нем. Через год скончался именно предложивший это. Им оказался Шуберт."

От нас ушел Ян, — продолжал Эдик своим размеренным голосом. — Смерть неминуема. Так выпьем за следующего, который расскажет Яну, как мы его любим...

И сел в полной тишине. Никто не выпил. Но к нашему столу подошел Никита Богословский, совсем недавно потерявший жену Наташу, обнял Эдика за плечи и сказал со слезами на глазах: "Спасибо, что ты выпил за меня".

Через полгода все здание ВТО выгорело изнутри. Нет и знаменитого ресторана. Какой-то булгаковский сюжет...

Но сюжет этот продолжался. Спустя пять лет, на поминках по Эдику, таких же сердечных, только устроенных в Доме композиторов, я сделал для себя неожиданное открытие. Я вдруг осознал, что хотя за это время умирали, конечно, и другие композиторы, но из тех, кто был тогда на поминках Яна, первым ушел Колмановский. Таким образом, он, как и Шуберт, провозгласил роковой тост за самого себя.

Что же еще? Его жизнь была и счастливой, и нелегкой, и трагической. Песни его будут звучать и звучать, но я никогда не смогу привыкнуть к тому, что больше нет Эдика Колмановского.

Константин ВАНШЕНКИН

Тост Колмановского

Его жизнь была и счастливой, и нелегкой, и трагической

ского, "Современника", Театра сатиры... На разных сценах шли его оперы и оперетты. Назову очаровательный "Женский монастырь", детскую оперу "Белоснежка", превосходно поставленную в театре Н.Сац "Двенадцатую ночь" по Шекспиру. А работа в кино!

Но паразитические песни Колмановского просто захватили всю Россию, выплеснулись за пределы ее. Разве можно забыть "Песенку шута" (стихи П.Антонковского), "Хотят ли русские войны" и "Бежит река" (Е.Евтушенко), "Я работаю волшебником" (Л.Ошанин), "Я улыбаюсь тебе" и "Когда разлюбишь ты" (И.Гофф). И нет им числа. Поистине замечательны мелодии "Журавленка", "Вальса о вальсе", "Бирюсинки"...

Мне всегда нравилось, как он выходил на сцену — стремительно, почти выбежал. Вот так он вошел в комнату бернесовской квартиры, где я сидел на диване. Я и не предполагал, что это он входит в мою жизнь. Марк приглашающе указал ему на пианино, и тот сыграл нечто элегическое. Это была мелодия к моим стихам "Я люблю тебя, жизнь". До него на них уже писали музыку несколько человек, в том числе В.Соловьев-Солой.

Бернес и сейчас сказал безжалостно: "Нет, это не то".

Впоследствии Эдик написал: "При таких печальных для меня обстоятельствах я познакомился с К.Ваншенкиным".

Тогда я впервые услышал его фамилию, она ни о чем мне не сказала. Однако он в это время уже был автором обального шлягера "Тишина", звучавшего со всех сторон и столь же мощно поносимого официально. По нынешним временам это совершенно невинная песенка, скорее, пожалуй, строгая. Тогда же молодым композиторам утвердиться было даже труднее, чем поэтам, что нелогично, ибо слово представляет для власти большую опасность, чем мелодия. Один маститый и очень хороший композитор, выступая на собрании, рассказал, как он ехал за рулем машины, включил радио, и солнечный день померк для него, стал черным. Это он услышал песню "В нашем городе дождь" (Евтушенко — Колмановский). Всего-то навсего.

Бернес, обладавший редкостным художественным чутьем, понял, что природный лиризм и "шлягерность" Колманов-

вала. Я принимал все это спокойно. Впрочем, вскоре стало заметно, что песня "Я люблю тебя, жизнь" побеждает. А когда уж Гагарин после своего триумфального витка прямо сказал, что это его любимая песня, тут от нас и от нее отстали. Но, разумеется, ее долголетие объясняется чем-то другим.

Нужно сказать, что мы с Колмановским не бросились, как это бывает, развивать свою удачу, писать новую песню. Да мы почти и не общались, долго были на "вы". Вторую нашу тоже по-настоящему известную песню мы написали только через пять лет.

В марте 1963 г. нам предложили поехать с выступлениями в Южную группу войск. Я согласился, потому что проходил когда-то по весенней венгерской равнине в составе 9-й гвардейской армии 3-го Украинского фронта. Колмановский взял с собой и исполнитель — два дуэта, мужской и женский. Совсем юные, еще студенты И.Кобзон — В.Кохно и Г.Кузнецова — К.Лисициан. И вот эти молодые певицы ощутили потребность спеть солдатам обращенную непосредственно к ним девичью песню. И попросили меня написать такие стихи. Я вполне понял их и написал. Правда, музыку Эдик сочинил позже, уже после возвращения. "Вы служите, мы вас подождем".

*Мы вдаль спящих домов проходили,
До утра не сомкнули мы глаз.
Вот мы в армию вас проводили,
Стало грустно, ребята, без вас.*

Я написал эти стихи впервые уже как песню: после каждых семи строк шел рефрен.

*Не забудем, как с вами прощались
На перроне под теплым дождем.
Будем ждать, если мы обещались.
Вы служите, мы вас подождем.*

Не стану цитировать целиком. Концовка — о возвращении:

*Будут наши свидания сладки,
Будет весел родительский дом.
Вы солдаты, мы ваши солдатки.
Вы служите, мы вас подождем.*

Песня имела оглушительный успех. Ее распространение продолжалось, достигло пика, а затем, как бывает, начало постепенно ослабевать. Но песня пелась. И вдруг! — обратите внимание, это довольно редкий случай — песня смолкла сразу, по не зависящим от нее, внешним причинам.

В предпоследней ее строфе говорилось:

несмотря на это, а быть может, именно поэтому он очень любил военных разного звания и сочинил немало прекрасных песен о них и для них. А общение с генералами приводило его в состояние трогательного возбуждения и ликования. Точно так же он был беспартийный, но с охотой брался за написание песен на гражданские темы, где имел удачи, хотя частенько и перебарщивал количественно, не только не умел, но и не хотел отказываться от подобных предложений.

Он вообще очень легко переходил из одного состояния в другое. Мог быть совершенно больным, простуженным, лежать с высокой температурой, еле-еле разговаривать, а наутро, уже с нормальной, бодро пойти на запись.

Он в детстве жил на Арбате, рядом с Колей Озеровым, но сам был совершенно неспортивен, необъяснимо равнодушен к футболу, волейболу, конькам и проч., ни в чем этом не разбирался.

Человек воспитанный, интеллигентный, домашний, он одновременно обожал шумное общение, застолье, был отчасти гуляка. Вокруг него клубилось много забавных приключений. Он родился в Могилеве (в младенчестве был перевезен в Москву) и как-то зимой посетил "малую родину". Дал роскошный концерт, следом, естественно, состоялся достойный прием в честь именитого земляка, затем его отвезли в гостиницу. Над Могилевом бушевала метель, но в номере было тепло, даже, как показалось, жарко. Эдик приоткрыл окно и сел рядом на диван. Проснувшись он от холода. Окно было распахнуто, за ним клубилась пурга, уже светало. В комнате горел свет. Композитор в шубе и в шапке лежал на диване, на спине, густо засыпанный снегом. Даже насморка потом не было.

Он был очень внимателен к людям, отзывчив, к некоторым нежен. Помогал многим, иногда в ущерб собственным занятиям. Обоим близким, пристально и подробно думал о них и в то же время порою наивно демонстрировал сеансы паразитического равнодушия к окружающим. Он словно отключался от остального, жил только в себе, в музыке.

Когда-то с ним случилась такая история. После окончания консерватории он поступил в музыкальную редакцию Всесоюзного радио и упивался этой работой. Ре-